

этой операции, предпринятой войском интервентов. Палицын в первой половине главы 46-й пишет о том, что Зобровский, прибыв к войску, осаждавшему крепость лавры, упрекал воевод Лисовского и Сапегу за то, что они в течение столь длительного времени (более десяти месяцев) ведут безрезультатную осаду и не могут «лукошко взять да ворон передавити». Он назначает третий, по его расчетам решающий, удар на крепость на 31 июля. В ночь перед приступом, пишет Палицын, войску было небесное знамение: луна на небе, «яко огонь скакаху», а звезды испускали такой великий свет, который «падаху над монастырем и вьокруг монастыря».³⁶ Все это, как и начало главы о подготовке решающего штурма крепости, Азарьиным выпущено, по-видимому, оттого, что непосредственно не связано с именем Сергия. И начинает он главу «Жития» с сокращенного пересказа абзаца, непосредственно предшествующего сказанию Андрея Болдыря, не вникнув в то, что абзац этот является соединительным звеном между сказанием о звездном дожде и рассказом, передаваемым от имени Болдыря. Непосредственно за этим вступлением повествуется о чуде Сергия, сущность которого сводится к следующему: когда все войско под руководством Зобровского готовилось к решающему штурму стен крепости, подразделению, которым командовал Андрей Болдырь, было чудесное явление. Якобы между ними и стеной потекла бурная река, несущая вырванные с корнями деревья и камни. На стене же появились два старца, грозящие всем тем, кто отважится на приступ, что им придется плыть по этому бурному потоку: «...се видехом явно, яко река, течаше велми быстра между нами и монастырем. В волнах же сломленное великое колодие, и лес мног несет; и с корением великая деревья, и камень и песок изо дна, яко горы велики восходяще. Бога же свидетеля предъставляху тому, яко видехом двою старцу сединами украшенных, и кличуща со града ко всем нам великим гласом, всем вам окаянным тако плыти».³⁷ Эта сочиненная Болдырем и украшенная Палицыным легенда нужна была в оправдание перехода войскового подразделения во главе с Андреем Болдырем на сторону осажденных в лаврской крепости после неудачного штурма. Далее Азарьин опять выпускает несущественную с точки зрения «Жития» заключительную часть 46-й главы, где Палицын повествует о том, что жестокий приступ интервентов захлебнулся в крови. Войско их понесло очень большие потери совершенно безрезультатно.³⁸

Этот эпизод — один из решающих приступов крепости — художник подробно иллюстрировал. Над этим сюжетом была четырехстрочная надпись, но она не сохранилась. В нижнем левом углу средника иконы, под осадой города Опочки, на фоне зеленых холмов изображена битва двух войск. Под ней крепостное строение Троицкой лавры с башнями и бойницами на стенах. За стеной — белая звонница и одноглавый собор, различные монастырские строения, монахи и воины, но не в воинском действии, а беседующие. Над стеной два старца с венцами на головах: Сергий и Никон. Под стенами крепости река, на берегу которой войско, не сражающееся, а совещающиеся между собой начальники и воины, все в латах. Двое первых на конях, черном и белом. Над войском два белых флага. Здесь художник явно представляет момент принятия Андреем Болдырем решения о сдаче своего войска после проигранного им боя.

Последующие две главы (64-я и 65-я) написаны Азарьиным на основе 48-й главы «Сказания» без существенных сокращений и перера-

³⁶ «Сказание» Авраамия Палицына, стр. 181—182.

³⁷ Азарьин. Житие, л. 129 об.

³⁸ «Сказание» Авраамия Палицына, стр. 183.